

дит к выводу: «...песы бирманских драматургов проникнуты единым религиозным мировоззрением... Почти все действующие лица драмы используются для пропаганды буддийских идей... Одна из функций пьес в какой-то степени совпадала с той, которую осуществляли летописи и исторические хроники, — освящение королевской власти и ее традиции, прославление мудрости монарха — хранителя религии и исполнителя законов, укрепление в подданных мысли о том, что правители превыше всего ставят государственные интересы и благо народа. В этом плане пьесы являлись отражением официальной идеологии бирманского общества» (стр. 90). Некоторые из приведенных в книге фактов об отношении к королю как к богу с первого взгляда противоречат буддийской доктрине. Король бирманской драмы — это не просто богоподобный правитель, он еще и обладатель золотого дворца на горе Меру. Он обладает и магической властью, обеспечивающей порядок в микрокосме и макрокосме, он составляет центр Вселенной (стр. 84). Это как бы одушевленный символ центра мира во всех трех его воплощениях, синонимичных друг другу: мирового дерева, мировой горы, дворца. Таким образом, почитание короля в Бирме восходит к древнейшему и универсальному представлению о Вселенной³. Иными словами, в бирманской драме XIX в. ясно прослеживается образ короля того периода, «когда он был участником космологического действия, а не исторического процесса, его роль в обществе определялась его космологическими функциями, сходными с функцией других сакральных представителей „центра мира“ (мировое дерево, мировая гора, божество, трон)»⁴. Так в бирманской драме вскрывается слой местных космологических представлений, которые, слившись воедино с буддийскими представлениями, образовали тот своеобразный сплав, который обычно называют религиозным синкретизмом.

Можно указать и на некоторые недостатки этой очень интересной книги. Так, на наш взгляд, едва ли стоило расчленять исследование на отдельные части: содержание и композицию произведений, с одной стороны, и художественные особенности — с другой. В произведениях, подобных бирманской драме, в которых многие композиционные, фабульные и технические приемы взяты авторами в готовом виде, где формулы, образы и метафоры превратились в привычные словесные ассоциации, не всегда воспринимавшиеся как тропы, а скорее как знаки-символы, разделение на содержательную и художественную главы вряд ли оправдано. Но это, конечно, вопрос не принципиальный, а скорее личных вкусов и склонностей к определенным методам исследования.

Отдельные формулировки в книге вызывают недоумение. Так, в самом начале лирика и эпос причисляются к чисто литературным жанрам, что едва ли справедливо. Лирика может быть и фольклорной и литературной, что же касается эпоса, то это прежде всего жанр фольклора. Иногда общие утверждения автора противоречат конкретным выводам. На стр. 7 говорится: «...даже когда драма и приобретает самостоятельную литературную форму в виде пьесы для чтения, она все-таки предназначена для театрального действия». А на стр. 28 автор приходит к такому выводу: «Особенностью Инауна и последующих пьес в жанре нандинза было то, что драма, вероятно, предназначалась для чтения, а не для постановки на сцене».

Эти небольшие неточности не умаляют достоинств целеустремленного и стройного исследования, проделанного А. Д. Бурман. Обилие историко-этнографических и фольклорных сведений, привлеченных автором, постоянное переплетение в книге литературных и этнографических данных открыло возможности для использования бирманской драматургии как этнографического источника.

Е. В. Ревуенкова

³ M. Eliade, *Images and symbols*, London, 1961, p. 40—45.

⁴ В. Топоров, *О космологических источниках раннеисторических описаний, «Труды по знаковым системам», VI, Тарту, 1973, стр. 115.*

НАРОДЫ АМЕРИКИ

S. Varese. *The forest Indians in the present political situation of Peru*. Copenhagen, 1972, 28 p., map, tabl.

Роль монтаньи — области тропического леса на восточном склоне Анд и в прилегающих районах Амазонии — в экономической и политической жизни Перу долго оставалась незначительной. В доиспанский период контакты между горной областью и джунглями отсутствовали. Во многих местах горы и джунгли разделяла даже полоса незаселенной земли — участка горного леса, особенно неблагоприятного для жизни человека. Испанское проникновение в XVI—XVIII вв. в значительной мере ограничивалось устройством здесь миссий — францисканских, иезуитских и, в меньшей

мере, доминиканских. Нарушение привычного уклада жизни индейцев и особенно эпидемии, а также нападения португальцев, переходивших бразильскую границу с целью захвата рабов, приводили к колоссальным людским потерям. Это вызвало озлобление людей — последовали убийства миссионеров. Попытка освоения во второй половине XVI в. области расселения хиваро с целью разработки золотых приисков закончилась восстанием индейцев и массовым истреблением испанцев.

Значительно интенсивнее, чем прочие земли, колонизировались берега крупных рек, в первую очередь Амазонки — Мараньона. В этой колонизации участвовали не только испанцы и метисы, но и кечуа. Часть их бежала на окраины, пытаясь спастись от каторжных работ на рудниках. Но и сами испанцы были заинтересованы в переселении горцев в монтанью и распространении языка кечуа в качестве *lingua franca*.

В 1870—1915 гг. в тропических лесах Южной Америки разразился так называемый каучуковый бум. Скушники и сборщики каучука стали проникать в самые отдаленные уголки сельвы. С 1910 г. бум стал стихать, но его последствия для местного населения оказались очень тяжелыми. Местные племена поставляли рабочую силу для сбора сока гевеи. Эпидемии и принудительный труд стали причиной высокой смертности среди индейцев.

Однако настоящее «открытие» монтаньи перуанцами произошло лишь в послевоенное время, и продолжается оно на наших глазах. Когда в странах Латинской Америки со всей остротой встал вопрос об аграрной реформе, правительства ряда государств увидели решение земельной проблемы и основу для ускоренного экономического развития вообще в колонизации сельвы. Край, которым прежде интересовались лишь этнографы и натуралисты, оказался в центре внимания экономистов и политиков; его проблемы дискутируются на страницах местной и мировой печати.

Каковы реальные земельные ресурсы в области тропических лесов, как отразилось освоение сельвы на судьбах аборигенов Амазонки, какое положение местные племена должны занять в новых условиях? — Этим вопросам посвящена небольшая, но богатая фактами и наблюдениями брошюра Стефано Варезе. «Индейцы лесов и современная политическая ситуация в Перу». В 1970—1972 гг. С. Варезе руководил деятельностью отделения министерства сельского хозяйства Перу в районах сельвы. Он же являлся одним из основателей созданной в 1968 г. Международной рабочей группы по делам туземцев (IWGIA), которая ставит своей целью защиту угнетенных национальных меньшинств в различных странах. До работы Варезе в серии, издаваемой IWGIA, вышли еще семь статей и монографий.

Варезе указывает, что правительства латиноамериканских государств долгое время были мало озабочены судьбой аборигенов. Определенную роль сыграли здесь некоторые неверные представления о ресурсах тропического леса, бытующие до сих пор.

Предполагается, что земельные ресурсы сельвы, во-первых, практически неисчерпаемы и, во-вторых, почти не освоены. И то и другое неверно. Согласно тщательным обследованиям 60-х — начала 70-х годов, только 13% территории тропического леса пригодны для постоянного использования в качестве сельскохозяйственных угодий, 28% могут использоваться ограниченно, 19% пригодны для ведения только лесного хозяйства, а 40% представляют бесполезные для человека болотистые пространства со скудными почвами. Все лучшие сельскохозяйственные земли расположены по берегам рек. Метисы, вытеснив индейские племена из этих плодородных районов, обрекли их на деградацию и культурную отсталость, а в отдельных случаях и на вымирание. Громадные, неосвоенные пространства сельвы — в значительной мере миф, так как только приречные земли способны прокормить достаточно густое население, но их и сейчас уже нельзя назвать пустующими. Так, в перуанской провинции Ламас, расположенной вдоль среднего течения реки Уальяга, плотность населения — около 9 человек на 1 км², тогда как в удаленных от крупных рек районах лесов — лишь 0,7 человек на 1 км². Новые земельные конфискации могут усугубить и без того бедственное положение аборигенов. Уже сейчас в Перу из 1,5 млн. жителей тропического леса на долю местных индейцев приходится только 221 тыс., а за вычетом кечуа — 206 тыс. человек (13,7%). Ассимиляция и аккумуляция большинства племен Амазонии в обозримый период — в отличие от крупных индейских народов кечуа и аймара — представляется весьма вероятной. Однако она может проходить по-разному: добровольно, на основе уважения культурной и территориальной автономии лесных индейцев, для насильственного, путем сгона их с земли. Будучи не подготовлены к жизни в обществе метисов, индейцы обречены занять в нем самое низкое социальное положение. Варезе приветствует мероприятия перуанского правительства, которое предоставляет гарантии племенам в отношении неприкосновенности их земельных участков. Племена индейцев признаны полноправными в юридическом отношении. Согласно той части закона об аграрной реформе, которая касается районов сельвы, государство будет оказывать индейцам административную, финансовую и техническую помощь в целях улучшения их жизненного и культурного уровня. Таким образом, появляется перспектива достижения индейцами в конечном счете экономического равенства с метисами.

Варезе критикует такой метод защиты индейских меньшинств, как создание национальных парков. Как известно, национальный парк, т. е. территория, заповедная для пришедшего населения, был организован в начале 50-х годов в Боуи, в окрестностях истоков реки Шингу, где проживало несколько сохранивших свою традиционную культуру племен. Выдающиеся гуманисты братья Виллас Боас, руководившие работой по

созданию парка, сделали все от них зависящее, чтобы предотвратить дальнейшее истребление аборигенов. Однако единственную альтернативу они видели в полной изоляции индейцев от внешнего мира. В 1973 г. они признали поставленную задачу невыполнимой и отошли от руководства парком.

Нельзя сказать, что работа братьев Виллас Боас осталась безрезультатной: от вымирания были спасены тысячи индейцев. Однако Варезе прав в том, что попытки любыми средствами сохранить традиционную культуру считает явно бесперспективными. Закрепление и признание нормальным нынешнего положения лишает индейцев возможности добиться улучшения жизни в будущем, когда культурный разрыв станет еще больше. Перу, где мероприятия, касающиеся индейцев, направлены в конечном счете на вовлечение коренного населения в жизнь страны, показывает пример более радикального решения проблемы. В связи с прогрессивным изменением социально-экономических условий отпадает и необходимость в изоляции.

В брошюре Варезе содержится ценный справочный материал, касающийся состава, численности, расселения, занятий и степени аккультурации индейского населения перуанской монтании. В значительной мере он составляет результат личных наблюдений. В целом рецензируемая работа способствует более глубокому пониманию процессов, происходящих сейчас в Перу. Благородные цели ее автора заслуживают самой высокой оценки.

Ю. Е. Березкин

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ИНКОВ

V. Angles Vargas. *P'isaq. Metrópoli Inka*. Lima, 1970; 168 p.; его же, *Machupichu, enigmática ciudad inka*. Lima, 1972, 434 p.¹

Инкское государство, особенно на последнем этапе существования, довольно хорошо известно исследователям по испанским хроникам XVI и XVII вв. Но основное внимание в них уделяется истории города Куско. Согласно хронистам, особенно тем, чьими информаторами были потомки инков, обитатели Куско обладали самой высокой культурой. Жители иных районов нередко трактуются как «варвары», цивилизованные кусканскими владыками — инками, которые построили города, провели дороги, создали развитую социальную организацию. Однако, на наш взгляд, маловероятно, что создание многочисленных городов в сердце инкской державы (в долинах рек Вильканота, Урубамба и Апуримак) можно связывать лишь с «цивилизаторской» деятельностью кусканских инков, тем более что, по мнению специалистов, период существования инкской империи Тауантинсуйю не был так длителен, как представлялось раньше.

Письменные источники редко содержат данные об индейских городах (кроме Куско), и инкские древности изучены археологами еще крайне слабо. Поэтому любая попытка сопоставить скудные упоминания об инкских городах с конкретными археологическими памятниками своевременна и плодотворна. Именно в этом русле проводит свои исследования Виктор Англес Варгас — историк и археолог, профессор университета в Куско. Он автор нескольких общих работ по истории Нового Света и Перу, в частности.

Рецензируемые книги В. Англеса Варгаса — монографические описания двух больших инкских городов: Мачу Пикчу и Писака. Автор не проводил самостоятельных раскопок, но скрупулезно обследовал как городища, так и прилегающие районы. Когда читаешь эти великолепно иллюстрированные, с подробными картами и планами книги, создается впечатление, что вместе с автором побывал в этих городах и тщательно осмотрел все их сооружения. Благодаря такому подробному описанию археологического материала и достаточно оригинальным историческим построениям автора обе книги, задуманные как путеводители, могут рассматриваться как полноценные научные монографии. Очень показателен в этой связи очерк доинкской истории Центральных Анд («Мачу Пикчу», стр. 9—14). Он дает читателю ясное представление о том, что инкская культура сложилась на базе многовекового развития народов, населявших в древности территорию современного Перу.

В. Англес Варгас рассматривает изучаемые им монументальные памятники архитектуры с ясным пониманием причинной обусловленности их появления, стремится объяснить их постройку нуждами создавшего их населения («Писак», стр. 35). Такое стремление трактовать материал в историческом плане отражает в целом материалистический взгляд автора на археологический материал, резко контрастирующий с

¹ В дальнейшем ссылки на рецензируемые книги даются в тексте в русской транскрипции: «Писак» и «Мачу Пикчу».